

Процессы
графемно-фонетической адаптации
в области вокализма лексики,
заимствованной из немецкого языка
(по данным «Вестей-Курантов 1600—1639 гг.»)

Изучение немецких заимствований в русском языке XVII в. шло и продолжает идти различными путями. Исследуется историко-этимологическая сторона этого процесса, т. е. выясняется история немецкого слова до его проникновения в русский язык, и таким образом уточняется, с носителями каких немецких диалектов говорящие на русском языке вступали в контакт в определенный исторический период¹.

При изучении взаимных контактов обращается внимание на воздействие русского языка на немецкий, т. е. на влияние обратной направленности². Подтверждая на-

¹ См.: *Öhmann E.* Bemerkungen zu russischen Fremd- und Lehnwörtern. — In: Festschrift für M. Vasmer zum 70. Geburtstag. Wiesbaden, [1956], S. 28—38; *Thomas G.* Woher kommen russisch *master* und *mester*? — *Zeitschrift für slavische Philologie*, Leipzig—Heidelberg, 1971, Bd. 36, Hf. 1, S. 147—152; *Он же.* Средненижне-немецкие заимствования в русском языке — *Russian Linguistics*, Dordrecht—Boston, 1976, v. 3, № 1, p. 55—62, и др.

² *Опельбаум Е. В.* Заимствования из русского языка в немецкий язык. Канд. дис., ч. 1—3. Львов, 1952; *Idem.* Zur Geschichte einiger Wortentlehnungen aus dem Russischen in das Deutsche. — *Wissenschaftliche Zeitschrift der Humboldt-Universität zu Berlin. Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe*, 1967, Jg. XVI, Hf. 5, S. 669—672; *Он же.* Восточнославянские лексические элементы в немецком языке. Киев, 1971; *Kohls S.* Russisches lexikalisches Lehngut im deutschen Wortschatz. Diss. Berlin, 1964;

личие интенсивных контактов посетителей двух языков в определенных сферах общественной жизни (торговле прежде всего), исследователи описали уже не одно словарное пособие XVII в., предназначенное для облегчения общения русских с лемцами³.

Гораздо меньше внимания при изучении заимствований из немецкого языка в XVII в. уделяется процессам фонетической, морфологической, лексико-семантической адаптации немецких слов в русском языке. А между тем изучение этих процессов важно для познания отдельных сторон системы русского языка XVII в., поскольку в эту систему включались немецкие слова и в ней протекали процессы адаптации. Однако, как будет показано далее, мы не вправе сбрасывать со счетов при этом воздействие исходных заимствуемых форм, а также явления языкового посредничества.

Специально анализируемый нами материал вестей-курантов⁴ не привлекался исследователями для изучения процессов фонетической адаптации, хотя и использовался в других направлениях⁵.

Бильфельдт Г. Г. Исторические предпосылки проникновения русских слов в немецкий язык. — В кн.: Проблемы современной филологии. М., 1965, с. 30—36; *Slavisch-deutsche Wechselbeziehungen in Sprache, Literatur und Kultur*. Berlin, 1969, и др.

³ Более 10 дошедших до нас русско-немецких разговорников XVI—XVII вв. и литературу о них указывает Н. Г. Савич (см.: *Савич Н. Г.* Из истории русско-немецких культурных связей в XVII в. (Немецко-русский словарь-разговорник Г. Невенбурга 1629 г.). — *Ист. зап.*, 1978, т. 102, с. 246—286).

⁴ См.: *Вести-Куранты. 1600—1639 гг.* Изд. подгот. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов, А. И. Сумкина. Под ред. С. И. Коткова. М., 1972 (далее при цитировании указываем только страницу издания).

⁵ См.: *Введенский В. В.* Заимствования общественно-политического и социально-экономического характера в языке XVII в. — *Лингвистический сборник*, вып. 8. М., 1977, с. 44—53; *Он же.* Лексика Вестей-Курантов 1600—1639 гг. (К истории лексико-семантических процессов у имени существительного в русском языке XVII в.). Автореф. канд. дис. М., 1978; *Он же.* Из наблюдений над общественно-политической лексикой в языке XVII в. (на материале имен существительных первой русской рукописной газеты «Вести-Куранты. 1600—1639 гг.»). — *Лингвистический сборник*, вып. 11. М., 1978, с. 86—96; *Мозговий В. І.* Засвоєння занозичень в апелятивній та ономастичній лексиці. — *Мовознавство*, 1979, № 5, с. 73—76.

Специальное внимание вопросам фонетической, а также акцентной адаптации германизмов (имен нарицательных и собственных) уделено в работах А. К. Рейцак и некоторых других языковедов⁶. А. К. Рейцак отмечены следующие фонетические явления в вокализме германизмов XVII в.: оканье—аканье; ряды фонетических субституций: нем. *u* : рус. *y, u*; *au* : *ay, av*; *tort : *торот, трат*; ассимилятивно-диссимилятивные процессы; аккомодация; вокализация; явления контаминационного порядка.

С. К. Гардинер описаны выборочно отдельные случаи фонетических соответствий, при этом она исходит из немецкого звука, а не буквы, и старается подходить к подбору немецкого этимона конкретно-исторически, что является положительным моментом. Ею установлены следующие фонетические соответствия в вокальной системе: нем. *a* : рус. *o*; *ā* : *o*; *ai/ay* : *ей*; [ə] : *e, a, Ø* (нуль звука); *eu[oi]* : *ей, ай*; *ei/eu* : *ей, e, u, ай, a*; [i] : *e*; [ī] : *ы*; *ie* : *ие*; [ō] : *y, ю*; *ö[oe]* : *e*; *ü[y]* : *ю, u, e*.

В описании процессов фонетической адаптации в области вокализма к анализу привлекаем помимо нарица-

---

⁶ См.: Рейцак А. К. Германизмы в лексике памятников русской деловой письменности XV—XVII вв. Автореф. канд. дис. Л., 1963; *Eadem*. Entlehnungen aus germanischen Sprachen in der russischen Lexik des 15—17. Jh., nachgewiesen in der Denkmälern der diplomatischen und kommerziellen Beziehungen. — Zeitschrift für Slawistik, Berlin, 1963, Bd. 8, Hf. 1, S. 33—49; Она же. Ассуффиксация как один из способов фонетико-морфологического освоения заимствованных имен существительных. — Учен. зап. Тартуского ун-та, 1965, т. 166. Труды по русской и славянской филологии, VII. Серия лингвистическая, с. 30—45; Она же. Судьбы группы германских заимствований XV—XVII вв. в лексическом запасе русского языка. — Wissenschaftliche Zeitschrift der Humboldt-Universität zu Berlin. Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe, 1967, Jg. XVI, Hf. 5, S. 673—677; Она же. Некоторые наблюдения над заимствованиями из германских языков в русской лексике XV—XVII вв. — В кн.: Типология и взаимодействие славянских и германских языков. Минск, 1969, с. 175—193; см. также: Gardiner S. C. German Loanwords in Russian. 1550—1690. Oxford, 1965, p. 260—284; Сидоров Г. М. К вопросу о фонетическом освоении русским языком военной и административной лексики немецкого происхождения, заимствованной в Петровскую эпоху. — Учен. зап. Ульяновского пед. ин-та, 1968, т. XXI, вып. 3, с. 130—140; Он же. К проблеме освоения русским языком лексики немецкого происхождения. — Учен. зап. Куйбышевского пед. ин-та, 1969, вып. 66, с. 57—68.

тельных слов немецкого происхождения топонимы и антропонимы — названия прежде всего немецких территорий или лиц немецкого происхождения. Используются слова, непосредственно заимствованные из немецкого или прошедшие немецкое посредничество. Ср.: Брѣнзвиского 77: орфография слова свидетельствует о польском посредничестве, ср. польск. Brunświk 'Брауншвейг', нем. Braunschweig; исключается рассмотрение Аѣстрѣе 49, поскольку оно проникло через польский (Austria, ср. нем. Österreich 'Австрия').

Из топонимов и антропонимов используется только материал, имеющий немецкие соответствия и таким образом обладающий определенной лингвистической информативностью. Данная статья — первая попытка анализа слов иноязычного происхождения в вестях-курантах для изучения процессов их фонетической адаптации. С выявлением новых соответствий в ходе дальнейших разысканий лингвистическая информативность в данном отношении опубликованных текстов повысится.

Поскольку к большинству текстов нет иноязычных оригиналов (за исключением используемого нами немецкого оригинала на с. 340—343 цитируемой публикации), мы не можем на данном этапе ставить своей целью поиски немецкого этимона, по графемно-орфографическим особенностям наиболее приближенного к русской форме. При передаче немецких соответствий вынуждены пользоваться примерами из современного немецкого языка.

Считаем целесообразной подачу материала применительно к ударной и безударной позициям, поскольку способ реализации в русском слове немецкого звука (буквы) во многом определялся позицией по отношению к ударенному слогу. Более того: исходя из конкретной русской звуковой (буквенной) субституции, можно ставить вопрос о реконструкции ударения в заимствовании. Это нуждается в дополнительном специальном обследовании, как и вся система ударения в иноязычных словах.

Важно установить, каким образом акцентные закономерности иноязычного источника преломляются в этих словах уже на почве русского языка. Документальную базу для таких исследований могут дать только акцентированные источники, которых среди памятников XVII в. (особенно деловых), к сожалению, немного. При определении места ударения в немецком заимствовании, очевидно, следует учитывать: 1) сохранение места немецкого

ударения (ср. кѣрфирсть, кѣрфирста — в кн.: Ведомости времени Петра Великого, вып. 1. 1703—1707 гг. М., 1903, с. 7, 8), 2) посредствующие влияния, и, наконец, 3) возможные акцентные смещения в русском слове сравнительно с немецким источником (ср. нотенбѣргъ — в кн.: Ведомости. . ., с. 7, 8) ⁷.

Нем. а- в русских лексемах в безударном положении соответствуют А-, ѐ-: Анхальт 31 — Anhalt; при нем. дифтонге Au-: из Авсъбѣрга 142, Ауѣсбѣрге 50 (явление графической избыточности вследствие контаминации двух способов выражения на письме билабиального [w]: у и ѡ в позиции перед согласным), из Ауспѣрга 61, Аузбѣрга 39 — Augsburg; з Авсъбѣрга 147, в нем. ориг. Augspurg. Нам представляется, что гласные в составе дифтонгов следует выделить, так как фонетические реализации этих гласных более зависимы от окружения, чем гласных в других позициях.

Рнгеим 124 (в последнем можно видеть гиперкорректное написание, правда, после а: воевода Рнгеим, что заставляет предположить стяжение: -а а- > а, ср. на Исөөдѣском поле 196 < на Аисөөдѣском?) — Arnim (или Arnheim), ср. ъ рцѣка 58 см. ъ арцѣка — стремление избежать ѣа?). При дифтонге Au-: Ѥшбѣрга 54, Ѥзборха 39 (исправлено на Аузбѣрга). Наблюдаем упрощение (монофтонгизацию) начального дифтонга, в результате сохранен неслоговой элемент. Полное выпадение начального а возможно лишь в условиях переноса ударения по сравнению с нем. Augsburg, Arnim (или Arnheim). Иначе как же объяснить исчезновение ударного начального а: Рнгеим, Ѥшбѣрга, Ѥзборха?

Нем. -а- под ударением соответствуют а, я [ʲа], au [aj], е, о, ѡ, ѐ (последнее только в дифтонге, где есть слоговой заменитель — гласный).

Бернартѡмъ 188 — Bernhard; граѡ 147, в нем. ориг.: Graff; Салцбѣрхъ 148, в нем. ориг.: Salzburg; канцлѣр 66 — Kanzler; Палцъ 147, в нем. ориг.: Pfaltz; патцѡв 66 — Batzen 'бацен' (название монеты); Страсбѣрхъ 147, в нем. ориг.: Straßburg; в танцѣ 54 — Tanz. При дифтонгах -аи-,

⁷ Ср. аналогичные выводы, однако со слабым учетом посредствующих влияний, М. Олехновича и Н. Мартысюка (см. указ. соч.), построенные на материале современного русского языка.

-ai-, -au-: Бреслава 44, Бреславскои 53, Мельгавзена 154 — Mühlhausen; к Пассаю 49 — Passau, ср. из Норгау (ЦГАДА, ф. 155, 1649 г., № 1, л. 1) — Nordgau; Свижкава 193 — Zwickau, Маиланта 135 — Mailand, Баиерског 37 — bay(e)-risch 'баварский', Баерскии 68.

В Голянскои 41 — Holland, Крстьян 60 — Christian (я представлено в позиции, связанной с йотацией как средством устранения вокальной группы [ia], каждый из гласных которой относится к разным слогам); меилянскими 58 — от Mailand (перенос ударения мог быть вызван итал. Milano), в Скурлянской земль 27 — Kurland 'Курляндия' (ср. по ударению польск. Kurlandja), Орянкъоурта 44 — Frankfurt (намеренное подчеркивание *p'* в противовес польск. и блр. *p*). При дифтонге -au-: бя рским 32 — baye-risch.

Случай с -au [aj]- под ударением: в Граицу 124 — Gratz показывает распространение — дифтонгизацию монофтонга, ср. сшлеиские 44 — schlesisch 'силезский'.

Примеры на -e- в дифтонге -ai-: из Меиланда 140, Менсь 72 — Mainz, Менского 54 — от Mainz, кесарского 36 (в переводе немецкой востовой тетради). Более вероятно, если учесть орфографический облик прилагательного, его происхождение от ср.-греч. *кайзар* как вторичного заимствования, но нельзя исключить полностью актуальность сближения с нем. *kaiserlich* или *kauserisch* 'императорский' и рассмотрения его как случая монофтонгизации⁸. При дифтонге -au-: Беирскому 35, в Беирскую землю 66; Бейгерскому 147, в нем. ориг.: Baugen; Бейгерскую землю 148, в нем. ориг.: Baugen; беерская 67.

Анголскои 45 (мена *a//o*, ср. Анхальт 31, указывает на возможную подударность позиции); анхолцкие 33, в Брабонте 66 — Brabant; из Неопали 58 (возможна аналогия с соединительным *o*) — Neapel 'Неаполь'; тонец 54 — Tanz. При дифтонге -au-: Гроиденсомъ 87 — Graudenz; Лоуэвнитцкие (земли) 147, в нем. ориг.: Laußnitzer; Тротмансдорфа 200 — Trautmansdorf. Анвалтские 39, анвалтских 40 — ánhaltisch. Можно предположить предшествующую йотацию, которая могла выражаться или выносом предыдущей согласной над строкой или «йотом» как фонетической субституцией нем. -h-.

⁸ Огласовка *k-* вм. *ц-* открывает возможность более поздних актуальных сближений с греч. *кайзар* или нем. *Kaiser* и трактовки как вторичного заимствования.

Книпгѣскои 54 — Kniphausen; в Мулгѣсен 148, в нем. ориг.: Mulhaussen; Трутмансдорфъ 75; Трутмансдорфъ 147, в нем. ориг.: Trawtmansdorff. При дифтонге -ai-: из Миланта 47 — Mailand; в Миланте 68 (не без воздействия итал. Milano). При дифтонге -au-: Биришланда 177 — от bayerisch. Все эти случаи демонстрируют утрату дифтонгом слогообразующего элемента и преобразование неслоговых [y], [i] в слоговые у и, выступающие как заместители дифтонгов.

Нем. -а- в середине слова в безударной позиции соответствуют а, е, о, у, ъ, ѓ.

Балбера 66 — Barbier 'цирюльник'; Валенскои 148, в нем. ориг.: Wallenstein; Валѣнстенавых 157, дацияне 63 — Dazier 'дакиец', крабатов 147; с крабаты 148, в нем. ориг.: Grabaten; ландгграфъ 66 — Landgraf; маршалка 148, в нем. ориг.: Marschalck (< др.-в.-нем. marahscalc, возможно, через ст.-польск. marszałek). При дифтонге -au-: Виттинггау 69 — Wittingau; Глагавѣ (вин.) 156 (можно предположить смещение ударения на второй слог, с чем связан переход о > а в первом); Глохав 157 — Glogau, в Грабунте 135 — Graubünden (с превращением дифтонга в монофтонг перед губным вследствие близости артикуляции [w] и б, возможно, < Граубунте?); граубюндерам 58 — Graubündner 'житель Граубюндена', Маѣврицѣса 70, Маврицаус 71 — Mauritius; самбѣрскихъ 69 — от Schaumburg?, ср. Грабунте 135; Тонав 237 — Donau 'Дунай'. При дифтонге -ai-: Маланскои земли 26 — от Mailand (монофтонгизация).

Голлебрунъ 36 — Hollabrunn; Лиоленны 32 — от Livland 'Лифляндия' (е объясняется на почве яканья; возможно, мн. этнонима, ср. до*лиолянтъ 132 с иным ударением и отсутствием перехода: *нт* > *ни*). В дифтонге -ai-: меилянскими 58. При дифтонге -au-: Диршев 99 — Dirschau (не исключена аналогия с суффиксом прилагательного -ев).

Волонских 66 — wallonisch 'валлонский', монѣаншеская 40⁹, Маргфелте 40 — Marchfeld, неополитцких 68 — от Neapel. При дифтонге -au-: из Бреслова 70, Преслова 48. Преслова 70 — Breslau; перед Гановымъ 62 — Napau (любопытно, что флексия указывает на прилагательное); Даршовомъ 83 — Dirschau; Доновертъ 163 (возможно, с монофтонгизацией: < Доновертъ); Ковсенборкъ 23 — Klau-

⁹ Не затрагиваем морфемный состав заимствований. Это — предмет специального рассмотрения при изучении процессов морфологической адаптации.

senburg, в Кашове 68 — Kaschau, Ловенбургского 56 — Lauenburg, Моврициуса 56, Моэврициуса 71, Стөв|Шбинг8 50 — Straubing. В составе дифтонга -au-: БоиарскомУ 35 — bayerisch (лексическая аналогия с *боярский*). Реализация нем. -a- в дифтонгах в виде *o* может объясняться иными причинами, чем вне дифтонгических сочетаний: допустима лабиализация $a > o$ под влиянием последующего, возможно, билабиального [w] или неслогового [y].

Пример на -y-: Цубернскои 8ъздъ 44 (от Zabern) — следствие фонетической ассимиляции последующему *b*.

Из Кашове 36 — Kaschau. Ув можно рассматривать как фонетический вариант к -ов, отражающий степень дальнейшей ассимиляции исходного *a* билабиальному [w]: $av > ов > uv$. Рассмотрение его как случая монофтонгизации ($ay > y$) и графической избыточности лишено оснований, тем более, что форма возводится к им. п.: *Кашува*, в которой избыточность исключена (ср. по флексии: (из) Gare 54).

Примеры на -ø-: Денмонтъ 27 — Dünamünde 'Дюнамюнде, Усть-Двинск'; из Лисбона 62 — Lissabon (ср. польск. Lizbona). При дифтонге -au-: Клэсенборка 23, Трутмансдорпъ 75 (при допустимом смещении ударения по сравнению с нем. Tráutmansdorf).

Нем. -aa- соответствуют как в безударном, так и в подударном положении *aa* или *a*: из Гаага (муж. р.) 45 — Haag (при польск. Haga), из Ага 35, из Рапа 21 — Raab, в Ваагштате 69, Вааштат 67 — Waagstadt, мастрихскихъ 55 — от г. Maastricht.

Нем. -ä- отражается под ударением в виде *ae*, *a* (после твердого согласного), A[ja]-, *e*, *ě* (на месте нем. *jä*-), в виде монографа я[ja]-, как ø при дифтонге -äu-.

В Маерской (земль) 60 — Mähren 'Моравия' (случай воспроизведения ä в виде диграфа *ae*, сохранившегося как альтернативное написание в современном немецком алфавите). Диграф может разбиваться на составные элементы, и поэтому нем. ä оказывается представленным как *a* (в Марене 59, в Маре 69, марские 36, маренские 59; Эихъстат 148, в нем. ориг.: Eichstatt, совр. Eichstätt; Аистате 39, из Агердореа 69) и как *e* (Мерен 199).

Ъ[je]-: Ёхендореа 31 — Jägerndorf 'Йегерндорф' (за *ě* скрывается дифтонг восходящего характера [je])¹⁰.

¹⁰ В литературе встречаем указание на то, что *ě* в немецком этимоне должен соответствовать звук дифтонгического происхождения. А. К. Рейцак (Ассуффиксация как один из способов фонетико-

По одному примеру на *я*, *ѳ*: Ягрюндорфа 31, около Нююзила 80 — Neuhäusel 'Нейгейзель'.

В безударной позиции *-ä-* отражается как *я*: президенту 181 — Präsident. Нем. *-ä-* соответствует звук [ä], продвинутый вперед. Такое качество [ä] могло вызывать смягчение предыдущего согласного, ср. в Мяренской земль II 136¹¹. Впрочем, не исключено отражение *яканья* с возможным передвижением ударения на 2-й слог.

Нем. *e-* соответствуют под ударением: *e[je]-*, *э*-, *а*-, *ѳ*-. Екенберга 42 — Eggenburg, при дифтонге *ei-*: под Еизенновым городком 29 — Eisenstadt. *Э* -: Эгера 50 — Eger, Эрурта 74 — Erfurt. *А* -: Албу 43 — Elbe, Аринсть 71 — Ernst. *ѳ* -: Эмерикъ 131 — Emmerich.

В безударной позиции тому же *e-* соответствуют: *e* (возможно, [je])- , *э*-, *а*-, *ѳ*-. К Еленбогѳ 60 — Elbogen, при дифтонге *eu-*: Еѳропѳ 63, во Еѳропе 64, Еѳропа 64. Эрццарцѳхѳ 172 — Erzherzog 'эрцгерцог', Энкъгеим 62 — Enkheim, при дифтонге *ei-*: Эихъстат 148, в нем. ориг.: Eichstatt. *А*- в дифтонге *ei-*: Аистате 39 (фонетическая репрезентация)¹².

ѳ- в дифтонге *ei-*: на Исѳелдском поле 196 (возможно, < на Аисѳелдском, хотя против этого отчасти свидетельствует невынос *и* над строкой) — Eichsfeld; при дифтонге *-eu-*: Эрпфе 71, съ Эропью 63 (упрощение дифтонга). Случаи утраты начального *e* не встречены вне дифтонгических сочетаний.

Нем. *-e-* в подударной позиции отражается в виде *e[je]-*, *e*, *ѳ*, *eu*, *а*, *я[ʔa]*, *и*, *о*, *ѳ*, *ю[ʔу]*, *ы*, *ѳ*.

Есенскому 148; из Есена 148, в нем. ориг.: auß Hesen. *Е*: к Бриселю 66; (в) Брюселе 148, в нем. ориг.: zu Brüssel; Гесена 67 — Hessen; Мансѳелтского 147, в нем. ориг.: Maßfeldische; Шлезские (земли) 147, в нем. ориг.: Schlesier. При дифтонге *-ei-*: Валънстенавых 157, Гогенстенъ 58, Карлстеина 60 — Karlstein, Ленциха 137, Реин 61. При дифтонге *-eu-*: ѳ Пlobeигерна 148, в нем. ориг.: zu

---

морфологического освоения заимствованных имен существительных, с. 41) приводит н.-нем. *talier* (тарль).

¹¹ См.: Вести-Куранты. 1642—1644 гг. М., 1976, с. 136.

¹² Ф. Вильд отметил, что многие названия немецких городов в общении англичанина С. Пойнтца о событиях 30-летней войны передаются по звучанию со слуха (см.: Wild F. Die deutschen Ortsnamen in der Relation des Sydnam Poyntz von 1636. — Μνήμησ χάρις. Gedenkschrift Paul Kretschmer, II. Wien, 1957, S. 202—212).

Plöbeyern; Спеевскѣю 61 — от Spreyer. При дифтонге -eu-: Не́йма́ркъ 163 — Neumarkt, Не́вскою 48 — от Neuß 'Нейсе'.

В при дифтонге -ei-: Мѣисеинскіи 51 — от Meissen. *Eu* [ey]: геисенсково 45 — от Hessen, сплеиские 44 — schlesisch 'силезский', Шлеизинского 53 — от Schlesien 'Силезия'. Арцѣху 147, в нем. ориг.: Hertzogen; арцѣха 148, в нем. ориг.: Hertzogen; эрццарцѣхъ 172 — Erzherzog, малтаской 33 — maltesisch 'мальтийский', реитаров 58 — Reiter, Свицарские земли 66 — ср. schweizer (не без влияния польск. szwajcarski). Случаи малтаской и Свицарские могут быть сближены с существительными на -арѣ, -арѣ и им. п.: Мальта. Дополнительное обследование способов образования прилагательных на -ский от топонимов-существительных с вокальным окончанием может подтвердить или опровергнуть это положение.

Хряценстѣин 34 — -stein. Смягчение согласного произошло, можно предполагать, по аналогии с *p'* в первом слоге. И-: с Вилимом 33 — Wilhelm, Кастилицком 124 — от Kosteletz, книжтовъ 35 — Knecht. При дифтонге -ei-: Веингимъ 68 — Weinheim, Гольштинъ 67 (не исключено польское посредство — Holsztyn) — Holstein; Грипсѣвалтъ 149, в нем. ориг.: Gripswalt, совр. Greifswald; Индрикъ 157 — Heinrich 'Генрих', Ѳстеритцкой землѣ 195 — Österreich 'Австрия'. При дифтонге -eu-: (из) Спира 50 — Speyer (случай упрощения в *и* двойного дифтонга: нисходящего [ey] и восходящего [ie]).

Куттенборге 203 — Kuttenberg (возможна аналогия с другими германскими языками: шв., дат. borg 'замок (укрепленный)'); люторские 60 — lutherisch 'лютеранский' (ср. суффикс *ор*, известный русскому языку с конца XIV в., в частности в слове докторъ — см. Срезн. I, 694).

В Лутербѣрге 68 — Lutterberg (Ѳ может свидетельствовать о лексической аналогии с Burg 'замок'). Примеры на -ю- при дифтонге -ei-: Люпцихъ 230, в Нюсе 69 — Neisse 'Нейсе'.

В примере с -ы- на месте -ei-: Рынъ 190 — Rhein можно предполагать и польское посредство, ср. польск. *ryngraf* 'рейнграф'. При дифтонге -eu- наблюдаем монофтонгизацию: Крѣцнахъ 62 — Kreuznach, Рютлингенъ 140 — Reutlingen.

Нем.-е- в безударной позиции соответствуют *e*, *ѣ*, *a*, *я*[*'a*], *a*ѣ, *и*, *иe*, *о*, *у*, *ю*[*'y*], *ы*, *ѳ*. Баерскіи 68, Бернгартъ 172, к Глансеркрисъ 69; Кемпен 147, в нем. ориг.: Kempten; в лангестрате 148, в нем. ориг.: in der

lange Straß; x Падеpдурмꝰ 66 — Paderborn, Саженской 147, в нем. ориг.: Sachssen. При дифтонге -ei-: веимарские 40 — weimarisch, Вемарскихъ 143. При дифтонге -eu-: Невбурского 55 — от Neuburg. Ъ: Вальнстенавыѣ 157, канслѣра 26 — Kanzler. Магдабур 140 — Magdeburg (возможно, следствие прогрессивной ассимиляции); из Неопали 58 — Neapel.

В случае Бярлина 214 предполагается отражение яканья в первом предударном слоге. Пример на аꝰ (Даꝰсовскꝰю 74 — Dessau) отражает регрессивную ассимиляцию. К Баргину 62 — Barga, баргинской 62, Вилталинской 72 — от Velt(e)lin 'Вальтеллина' (не без влияния лексической аналогии с близким территориально названием *Италия*), Гессинскую 46 — от Hessen, Кастилитцком 124 — Kosteletz, Клиньгинъберхъ 69 — Klingenberg, Линибурской земли 188 — от Lüneburg. Реализация звука находится под воздействием процессов прогрессивной ($u > u - u$) ассимиляции¹³ и морфологической аналогии с прилагательными на -ин. При дифтонге -ei-: из Швицарские земли 66. При дифтонге -eu-: около Ниюзила 80 — Neuhäusel 'Нейгейзель' (монофтонгизация: «йот» относим к последующему слогу и рассматриваем как заместитель нем. -h-).

В примере на -ие- (против... кавалиера 43 — Kavallerie 'кавалерия') неясен язык-источник: очевидно, из итал. cavalleria. Возможна метатеза гласных в соседних слогах. При дифтонге -eu-въ Ниестат 37 — Neustadt. Наблюдается фактический распад дифтонга на два слогообразующих гласных с промежуточным интервокальным «йотом» и метатезой исходного слогового и неслогового элемента.

Сквиз Виртимборха 66 — Württemberg, Глансорькрис 69 — Glatzer Kreis, к Граеонбурхꝰ 66 — Grafenberg, в Любок 128 — Lübeck, во Фландоре 66 — Flandern 'Фландрия'. Как видим, здесь не обходится без семантических аналогий (-бурхꝰ — -berg).

Пример на -у-: в Укурмарке 178 — Uckermark свидетельствует об ассимиляции: $y - e > y - y$, а пример на -ю-: Ягрюндорфа 31 (очевидно, из Ягерндорфа — Jägerndorf) демонстрирует внутрислоговую метатезу: первоначально, можно полагать, — Ягерндорфа. В случае Вымар-

¹³ Предпочтение графемной ассимиляции перед фонетическим объяснением (регимент *вм.* regiment) отдает С. К. Гардинер (см.: Gardiner S. C. Op. cit., p. 277).

скои 35 (от Weimar) ы. выступает как заместитель дифтонга.

Примеры на -*o*:- Бадмсково (исправлено из *Бадемсковы*) 39 — от Baden; из Любка 149, в нем. ориг.: auß Lübeck; в Любке 27 (возможно беглое *o*), марнъскими 37 — от Mähren, Петръ 58 — Peter, Спейрскомъ 66 — от Speyer, тешиские 48 — от Teschen. Выпадение *e* наблюдается в группах из двух согласных (обе сонорные или вторая сонорная).

Позицию конца слова не рассматриваем, поскольку она связана с морфологическими явлениями. Случаи: Зѣланскую землю 148, в нем. ориг.: in Seelandt; в Зѣланте 235 — Seeland 'Зеландия (о-в и провинция в Голландии)' фиксируют передачу нем. -*ee*- в виде *ѣ* в положении под ударением, если предполагать сохранение места немецкого акцента. При допущении *передвижки акцента по законам русского ударения позицию следует признать безударной. Можно предполагать, что за *ѣ* скрывается долгое закрытое *e* в соответствии с подобным немецким звуком¹⁴.

Нем. -*ee*- может передаваться как *e* под ударением: Себак 62 — Seebach и в безударном положении: в Зеланте 150, к Зелянтѣ 61. В интервокальном положении наблюдаем *e*: по Спреве 154 — Spree (не исключено польское влияние: Szprewa).

Нем. -*i*- соответствуют в подударном положении *и*:- Инглов 194 — Iglau, в безударном положении *и*-, *э*:- Ирляндцы 64 — Irländer, ингениор, ингениорѣ 133, ингениоров 134 — Ingenieur 'инженер' (*г* указывает ясно на то, что писавший не знал французского языка, а читал и воспроизводил на письме это французское слово в соответствии с нормами произношения одного из германских языков); Энгелстате 147, в нем. ориг.: Ingelstat, совр. Ingolstadt.

Нем. *i* в ударяемой позиции середины слова соответствуют *и*, *i*, *а*, *еи* [еѣ], *ѣ*, *о*, *у*, *уе*, *ы*. Гѣлицкого 126 — от Jülich 'Юлих'; в Диллѣ 147, в нем. ориг.: zu Dillingen; в Линце 65 — Linz, в стивте 66 — Stift 'епископство'; Лотринского 148, в нем. ориг.: von Lottringen; лотринскимъ 147, в нем. ориг.: Lottringen; Моврицьс 57 — Mauritius. Под... Даршовомъ 83 — Dirschau, Рнгеим 124 — Arnim (Arnheim). Примеры на *ѣ*: апрѣля 58,

¹⁴ См.: Богородицкий В. А. Введение в изучение современных романских и германских языков. М., 1953, с. 105: «долгие гласные более узки».

лѣга (исправлено на лигѣ) 58 — Liga. Готшине 75 — Gitschin. Гутшине 121 — Gitschin; Гѣтщина 125.

Пример на *ы* (Мартынъ 56 — Martin) свидетельствует о связи фонетической реализации с перемещением ударения.

Нем. *-i-* в безударной позиции соответствуют *и, а, е, еи* [ei], *ы, ъ*. Мориц 66 — Moritz, Фридрих 61 — Friedrich, Маврицаус 71. Примеру на *е* (регементы 148) в нем. ориг. соответствует Regimenter. Стерумской 46 — Stirum (отражение дифтонгизации). Людовых 56 — Lüd(e)wig, Моврицъс 57. Примеры на *ѳ*: в Саѳѳгѳлхе 51 — Jülich; испанские (*так в ркп, возможно, из: спанишские*) 209 — spanisch 'испанский', в данном случае редукция в аффиксе; ис Цѳрха 39 — Zürich. Допустимо объяснение полной редукции звука неударностью его положения.

Особо рассмотрим соответствия немецким сочетаниям *-ia-, -ie-, -io-*.

Сочетание *-ia-* с подударным *-а-* отражается в виде *-ья-*: Кръстьян 60, *-ie* [i] под ударением воспроизводится как *и, ие, е, ы*. Подле Гися 66 — Gießen, кипами 62 — Kiere, Фридрих 61, Алгиерской 47 — от Algier 'Алжир', рапиер 51 — Rapier [gari:r] 'рапира', ѳециер, ѳециерѳ 46 — Vezier 'визирь'. Заметим, что *ѳ* и *ие* служат графемными показателями немецкого посредничества при заимствовании слова. Балбера 66 — Barbier 'цирюльник'; Вантѳореден 148, в нем. ориг.: Wandfrieden; Ределсел 149, в нем. ориг.: Riedelsell; Фредрихѳ 59. Трил 72 — Trier.

В безударном положении *ie*[i] воспроизводится как *е*: Фредерих 51, Фредерик 61.

Сочетанию *-ie-* двухсловному в ударной позиции не найдено соответствий, в безударной позиции *и, е*: дацияне 63 — Dázier 'дакиец; князя Ораненского 51 — от von Oranien 'Оранский' (не исключена йотация ввиду выноса *и* над строкой); шлезенской 51 — от Schlesien.

Сочетание *-io-*, распадающееся на два слога, отражается в упрощении группы гласных в безударном положении: Мелхир 56 — Melchior.

-I- в дифтонгах *ai, ei, oi* отражается в виде *и[j]*: Аистате 39, веимарские 40, Веингимъ 68, Еизенновым 29, Карлстеина 60, из Меиланда 140, Маиланта 135, меилянскими 58, Мѳисейнский 51, Свеинитцкой 51, Хряценстиян 34, Энкъгеим 62; в виде графемно-фонетически избыточного *-ии[ju]*: Геимильбрѳке 56; в виде отражения в различных формах процессов монофтонгизации (развитие

неслогового элемента дифтонга до полного слогового гласного): *и*: *Вейнгимь* 68, *Глансеркрисъ* 69, *Гольштинъ* 67, *Индрикъ* 157, на *Исвелдском* поле 196, *Миланта* 47, в *Миланте* 68, *Швейцарские* 66, *Устеритцкой* 195; в форме замещения дифтонга слоговым гласным *а* (*Маланской* земли 26), *е* (*Валънстенавых* 157, *Вемарскихъ* 143, *Гогенстенъ* 58, *Лепциха* 137, *Менсъ* 72, *Менского* 54), *о* (*Лагелось* 30); в виде заместителей дифтонга *ы* (*Вымарской* 35, *Рынь* 190) и *ю* (*Люпцихъ* 230, в *Нюсе* 69).

Нем. *о*-соответствуют в ударном положении и *ω*: *Офене* 21 — *Ofen* 'Офен, Буда', в безударном положении *о* (из *Оберланта* 147, в нем. ориг.: *aufm Oberlandt*; *Олденбурской* 81 — от *Oldenburg*, *Оснабрукского* 164 — от *Osnabrück*); *а* (*Аранской* 148, в нем. ориг.: *von Oranien*); *у* (*Уранскомъ* 23 — от *Oranien*).

Нем. *-о* дает следующие варианты передачи под ударением: *о*, *ω*, *а*, *ɤ*, *ю*[*'у*]. *Волонских* 66 — *wallonisch* 'валлонский', *Волеа* 225 — *Wolf*, из *Лисбона* 62 — *Lissabon*, *Мориц* 66; (к) *Ростоку* 149, в нем. ориг.: *nacher Rostock*; *ван Тона* 67, при дифтонге *-oi*: *Лагелось* 30 — *Langenlois*. X *Падердвормъ* 66, *Бадерборнъ* 67 — *Paderborn*. *Фан* 147, 149, в нем. ориг.: *von*. *Врмль* 124, из *Врмса* 61 — *Worms*, *Стубенфол* 59 — *Stubenfall*. *Мюсел* 40 — *Mosel*.

В безударной позиции число вариантов передачи *-о* увеличивается: *о*, *ω*, *а*, *Δ*[*ja*]-, *ε*[*je*]-, *е*, *у*. *Волфенбютела* 140 — *Wolfenbüttel*, из *Голянскои* земли 46 — *Holland*; (*над*) *Норлигенемъ* 147, в нем. ориг.: *Nortlingen*; *солдатов* 56. *Левполдов* 39¹⁵. *Валкенсдорфа* 37 — *Wolkersdorf*, *Глагаву* 156 — *Glogau*, *Галанскимъ* *Статам* 54, *камисаровъ* 23 — *Kommissar*, *Кастилицком* 124 — от *Kosteletz*, *салдаты* 54, 55. Пример на *Δ*[*ja*]-: *Фган* 68 — *Johann*. *Еган* 60 — *Johann*, *Елеброн* 34 — *Hollabrunn*. Примеру на *ε*: *Энгелстате* 147 соответствует *Ingelstat* в нем. ориг., совр. *Ingolstadt*. В *Вулебютелъ* 76; *от кумпанъи* 148, в нем. ориг. в сокращении: *Сопр.*; *эрццарцхъ* 172 — *Erzherzog*, *Якуб* 56 — *Jakob*.

Нем. *ѳ*-находит отражение в следующих графемах в безударном (а возможно, и в подударном положении): *Оденбурхъ* 124 — *Ödenburg* 'Эденбург' и *Еден-*

¹⁵ Германская этимология: др.-в.-нем. *liut* 'народ' + *bald* 'смелый' (см.: *Рыбакин А. И.* *Словарь английских личных имен.* М., 1973, с. 228).

бурж 31¹⁶. Оба варианта отражают побуквенно элементы *oe* как диграфа для изображения буквы *ö*.

Подобные же варианты (*o*, *ω*, *e*) наблюдаем и в позиции середины слова под ударением: Готтингена 74 — Göttingen, ис Колня 55, Коленсково 45 — от Köln, ис Кωлня 67, Гетцъ 171 — Götz, Келенскои 163.

Аналогичное положение в безударной позиции: *e*, *o* — хецское 187 — от Götz, из Шонбурха 58 — Schönburg.

Нем. *u*- под ударением и в безударном положении и равно представлено как *u*-, *ŭ*-: Шменские 141, на Шлемскю дреню 141 — Ulmer 'ульмский', Укурмарке 178 — Uckermark, Шмерана 156 — Ulmer 'житель г. Ульма', Унгаринскои 72 — ungarisch 'венгерский'; из Шлма 147, в нем. ориг.: auß Vlm.

Срединное нем. *-u*- отражается под ударением в вариантах *ŭ*, *o*: в Бургнде 61 — Burgund 'Бургундия', Сонтом 87 — Sund 'Зунд'.

То же *-u*- в середине слова в безударном положении представлено *y*, *ю*[*y*], *a*, *o*, *ω*, *oŭ*. В Лутербурхе 68, Марбургскои 127 — от Marburg. Пример на *-ю*- (Юлиуса 137 — Julius) показывает консонантизацию вокальной группы с помощью «йота», а случай на *a*: Гаарнисонъ 67 — свидетельствует об отражении процесса ассимиляции в предударном слоге, ср. Гарнисонъ 70. Бодвейса 43 — Budweis, есовитωъ 23 — Jesuit (с параллельной консонантизацией вокальной группы с помощью *e*), Клэсенборка 23 — Klausenburg, из Португала 41 — Portugal (не без влияния ассимиляции: *o* — *y* > *o* — *o* прогрессивного направления), Салцбургъ 65 — Salzburg, из Франкфорта 66 (не исключена лексическая аналогия с Fort 'форт, укрепление'); (из) Эреорга 74. Вурцбурги 32 — Würzburg. В примере на *oŭ*: Боддвиза 193 видим контаминационное написание.

¹⁶ А. Холлош (см.: Hollós A. Hiradas Sopronról XVII. századi orosz újságokban. [Сообщение об Эденбурге в русских газетах XVII в.]. — In: Soproni Szemle, Sopron, 1975, 29, с. 258—259, а также в рец. на кн.: Вести-Куранты. 1600—1639 гг. М., 1972 в: Studia Slavica, Budapest, 1976, t. XXII, fasc. 3—4, p. 464—468) считает, что в оригинальном сообщении было австрийское название Eggenburg, а русский переводчик ошибочно ассоциировал его с более известным наименованием Ödenburg, вследствие чего и написал *вм. gg* кириллическое *д*. Однако А. Холлош не принимает при этом во внимание, что способ начертания лат. *g* и готического *g* и *ð* в русской скорописи XVII в. не всегда мог совпадать.

дена'. Брина 31 — Brünn. Голюка 152 — Jülich. Дыринги 176 — Thüringen 'Тюрингия'.

В безударной позиции нем. -ü- варьируется следующим образом: ю[у], у, ʏ, е, и, о. Дюнкирх^х 66 — Dünkirchen; Оюрстенберх^х 147, в нем. ориг.: Fürstenberg. Пример на у: в Мул^хсен 148 передает Mülhausen в нем. ориг. Из Бр^хселя 55, из Бр^хселя 62, Г^хлитцкого 126. Вертенберхскую землю 148, в нем. ориг.: Würtenberger; Мельгазена 154; неренберхские 147, в нем. ориг.: Nürtenbergische; (к) Неренб^хрх^х 74. К Бриселю 66; Виртенбурхского 148, в нем. ориг.: von Württemberg; виртенберхские 147, в нем. ориг.: Wurtenb: (так!); за Виртенб^хрх^х 147, в нем. ориг.: Wirtenberg; скв^хз Виртимборха 66, Ликштата 66 — Glückstadt. Денмонтъ 27 — Dünamünde, Лодовых 56 — Lüd(e)wig (возможно, вследствие ассимиляции), из Норенберга 41.

Нем. -у отражается в виде и под ударением: асирских^х 64 (по морфологической структуре сближается с нем. assyrisch, но не с польск. assyryjski, лежащим в основе совр. *ассирийский*); в виде ии [j] или [ɣ] в дифтонге -ау-: Беиерского 50 (возможна графемная избыточность, опирающаяся на фонетическую: [j] или отражение [ɣ], ср. в том же почерке: кнеиния 51).

-Y- в составе дифтонгов ау, еу отражается, помимо указанного выше, в виде и[j] (Беирскому 35, Спеирскомъ 66), і (Беирск^хю землю 66), «йота», скрытого в составе буквы йотированного гласного: Баерскии 68, беерская 67; Спеирск^хю 61 (ae, ee в звуковой репрезентации, возможно, [aje], [ʔeje]); в виде я и и как результатов монофтонгизации: бярским 32, Биришланда 177, (из) Спира 50; в виде [и] в сочетании иа (Бошарскомъ 35, к данному случаю графемной избыточности следует, по-видимому, причислить и Баиерског 37).

В позиции конца слова вариации нем. -у в русских формах связаны со включением или невключением последних в русскую словоизменительную систему: -и: Тилли 148, в нем. ориг.: Tilly и -[ej]-: Тилеа (вин.) 72 (любопытно распространение окончания и с помощью «йота», очевидно, *ей* < *ий*).

В заключение особо рассмотрим явления вокализации консонантных групп, когда русскому гласному нет соответствия в немецкой форме и соотношения могут быть выражены обобщенной формулой: нем. Ø : русский гласный в середине слова.

Соотношение $\emptyset:e$ представлено в безударном положении: Эренсть 74, Эрэнсть 81 — Ernst; Эредерик 61, Эредерих 51 — Friedrich (правда, не без влияния голл. Frederik); Палецкое княжество 45 — Pfalz, Палетцкого 52 — von Pfalz, Карелсбаг 145, Карлесбад 142 — Karlsbad, Горень 31 — Horn, Келенской 163, Коленского 45 — kölnisch 'кельнский', Келена 40, Колень 32 — Köln, тонец, тонец 54, но: тонцы 54 (беглое *e*) (не без влияния, правда, польск. *taniec*); к Дюнекирхъ 55 — Dünkirchen, из Мекеленбурк 142 — Mecklenburg, Модерень 36 — Modern, въ Моргеелте 40 — Marchfeld, из Норенберга 41.

Вокализация происходит, как правило, при стечении двух сонорных *p* и *n*, *r* и *l*, *l* и *n*, а также [j] и *p* и в группах согласных с предшествующим или последующим *l*. Подобные же явления мы наблюдаем в исконно русских словах, ср. смотер. 34, но они проявляются в отдельных формах парадигмы и лимитированы фонетикоморфологическими условиями (*e* перед сонорным в абсолютном конце слова и его отсутствие — «беглое *e*» в позиции перед сонорным и последующим гласным). На выбор вокализирующего средства воздействуют процессы прогрессивной ассимиляции (Келенской 163, Келена 40, Мекеленбурк 142, Модерень 36). В случае «въ Моргеелте» (40) необычность окружения и употребление *e* между частями составного наименования заставляют предполагать изменимость обеих частей.

Соотношение $\emptyset:a$ демонстрирует ассимилятивные процессы регрессивной направленности: в Гаране 22 — Gran, из Барабанской земли 49, в Барабанской 70 — Brabant.

Соотношение $\emptyset:u$: Аринсть 71 — Ernst, из Бергштрага 67 — Bergstraße, Колниског 56 (возможно, не без влияния гласной в нем. -isch; kölnisch); въ Юлиской 148, в нем. ориг.: Gölch; Унгаринской 72 — от Ungarn 'Венгрия'. Последний случай допускает неоднозначное истолкование. Если возводить форму к немецкой основе топонима, то вокализация становится возможной и даже необходимой: < унгаринской. Но допустимо иное поморфемное членение: унгар-инской, при котором *u* войдет в состав суффикса, а форма окажется соотнесенной с ungarisch 'венгерский'.

Соотношение $\emptyset:y$ документировано недостаточно, хотя теоретически возможно, если принять во внимание, что *y* — фонетически обусловленный вариант *u*. В примерах, восходящих к нем. Erzherzog (эрццарцух 172, арццарццка 39, арццарццкь 39, 49, 55, 69, арццарццха 74,

арцьярдѸхахъ 150, ср. арцьярцуку 58), нельзя не видеть воздействия польск. агу-.

Таким образом, средствами вокализации выступают гласные *e* (чаще всего), *a*, *и*, *ы*.

Несколько слов о явлениях графемной адаптации в фонетико-орфографическом облике иноязычной лексики. Это явление отмечено исследователями на материале современного русского языка¹⁷. Речь пойдет об употреблении буквы редуцированного гласного заднего ряда ъ в словах немецкого происхождения. Зафиксированы следующие позиции.

Ъ ставится как пограничный сигнал между частями сложного наименования: из ФранкѸеорта 48 — Frankfurt, в РегензѸрхъ 50 — Regensburg, КондѸрад 52 — Konrad (< др.-в.-нем. kuoni 'смелый, мудрый' и gāt 'совет'), маркѸграѸ 53 — Markgraf, ѸшѸрха 54 — Augsburg, КнипѸскои 54 — Kniphausen, во ФранкѸеорте 55, РикнѸберкѸ 56, ван МѸннихъ|Ѹзенья 56 (возможно проявление как разделительной функции ъ, так и привычки писца заканчивать строку буквой гласного); АссеѸр|гѸстраши 56, АрнѸголтѸ 56 — Arnhold (< др.-в.-нем. Arinwald < arо, arn 'орел' и waltan 'управлять'), в БергѸстрасе 56 — Bergstraße, КнипѸскои 56 (можно предполагать разделительную функцию ъ перед гласной), МанцѸелтѸ 56 — Mansfeld, МансѸелта 59, МансѸелтѸ 74, МансѸелтѸ 74, лантѸграѸа 56, 58, лантѸграфа 57, лантѸграѸ 57, 58, 66, лантѸграѸова 66 и там, где членение на слова совпадает с концом строки: лантѸ|графѸ 57, лантѸ|графѸу 58. Еще примеры: палцѸ|графѸ 57 — Pfalzgraf, из ФранкѸѸрта 62, из ФранкѸфорта 66, ЭнкѸгеим 62, СалцѸборхѸ 65 — Salzburg, из ЛикѸштата 66 — Glückstadt, ѸреиденѸталь 67, из БерхѸстраса 67, из ВестѸвала 67 — Westfalen, в ЗалцѸѸрхе 68, ГлансорѸкрис 69, ВиттинѸгав 69, КлиньгинѸберхѸ 69 — Klingenberg, ИнсѸѸрхе 74 — Innsbruck, НортѸгеима 74 — Nordheim.

Ъ между морфемами корневой и аффиксальной: шлейзень|скимъ 52, кѸрѸеистрѸскии 60, кѸрѸеистрѸская 60, сѸ ѸропѸю 63 (где ъ, возможно и ь, могло быть разделитель-

¹⁷ См.: Малаховский Л. В. Принципы отбора иноязычных слов для словаря русского языка. — В кн.: Современная русская лексикография. 1976. Л., 1977, с. 100—105. Автор приводит примеры неполной как графемной, так и графической (внебуквенной) ассимиляции в современном языке: парашют, скерцо, майор, рок-н-ролл, тич-ин, поп'арт и т. п.

тельным твердым знаком вместо беглого *e*; к им. *Уроней*), *Турньсково* 69, *Турпской* 69.

Ъ между согласными в употреблении, безразличном к морфологическому составу слова: из *Беръна* 39, *Энну Эмъденскомъ* 55, *Кемъпис* 56, из *Вуръмса* 61, *ван Орътенборхъ* 67, *Клинъгинъберхъ* 69, *Стокъров* 36.

Ъ на исходе слова как дань письменной традиции: в *Регензъбурхъ* 50, *Рикнъберкъ* 56, *Арнъголтъ* 56, *Манцъеелтъ* 56, *Салцъборхъ* 65, *Анголтъ* 66, *Орътенборхъ* 67, *Бадерборнъ* 67, *Клинъгинъберхъ* 69, *Менсъ* 72. Таким образом, не рассматривать употребление ъ мы не вправе, так как помимо чисто графического знака он имеет в ряде случаев функцию разделительного.

В заключение статьи можно сделать следующие обобщения о способах передачи немецких гласных гласными русского языка.

Встречаем случаи гиперкорректных написаний типа *Рнгеим* 124 (*Arnim* или *Arnheim*) с утратой начального *a*. Их появление можно объяснить тем, что пишущий отталкивается как от неверных с его точки зрения случаев, в которых *a* представлено перед группой согласных — первой сонорной (аржаной *см.* ржаной)¹⁸ и является показателем отклонения от нормы. Происходит неверное обобщение общего правила, которое формулируется таким образом: «*Всякое a* перед группой согласных, начинающихся с сонорной, подлежит устранению как отражающее диалектный вариант произношения».

Средством избежать дифтонгов является монофтонгизация. Она осуществляется разными путями. Сохраняется слоговой элемент дифтонга (*Грабунте* 135, *Доновертъ* 163, *бярским* 32, *Вемарскихъ* 143, *Лагелось* 30). При этом на процесс монофтонгизации может влиять гласный последующего слога, и в таких случаях наблюдается регрессивная ассимиляция (*Маланскои* 26 < *Майланской?*). Удерживается неслоговой элемент дифтонга, который в результате процесса монофтонгизации получает слоговые функции как монофтонг (*Шпъбурха* 54, *Кл8сенборка* 23, *Трутмансъдорпъ* 75, *Исвелдском* 196, *Биришланда* 177, *Бршпе* 71, *Кр8цнахтъ* 62, *Рютлингенъ* 140). Не исключен и такой путь фактической ликвидации дифтонга, как его переразложение на два слогаобразующих

¹⁸ См.: *Котков С. И.* Усвоение норм литературного языка в условиях южновеликорусского диалекта. М., 1957, с. 15.

гласных с одновременной перестановкой (метатезой) компонентов (Нместат 37 < Нейстат).

Наблюдаем и процесс обратного характера — дифтонгизацию монофтонга или распространение слоговой гласной с помощью неслогового элемента (Граицу 124, Шлеизинского 53, шплеиские 44, Рнгеим 124).

Трудно ответить однозначно на вопрос, что чаще передается — произношение слова или его написание, поскольку у нас почти отсутствуют сведения о той конкретной ситуации, в которой создавались переводы в вестях-курантах. Памятуя о достаточно четком разграничении в то время в Посольском приказе функций переводчика устной речи (толмача) и переводчика письменных текстов (просто переводчика) и обладая некоторыми предварительными данными о тождестве почерка в черновых переводах с одного языка, можем лишь предполагать, что в создании перевода на первом этапе принимало участие одно лицо, а не два (диктующий и пишущий). Поскольку мы имеем дело с текстами письменных переводов с другого языка, то вправе выдвинуть предположение о том, что определяющим мог быть момент графемный, письменная форма слова. Примеров этого можно привести немало. Достаточно будет нескольких из них: использование диграфов *ae*, *oe* в целом (Маерской 60) или поэлементно (Оденб8рхъ 124 и Еденбурх 31), дифтонгических сочетаний, побуквенно соответствующих немецким (Емземновым 29)¹⁹. Вместе с тем на звучащую сторону немецкого слова ориентированы такие написания, как Мяренской II 136, прязиденту 181, Аистате 39, эрцьярц8х8 172, Хряценстиян 34.

Ряд фонетических явлений протекает независимо от немецкого. Таковы отражение яканья (Бярлина 214), аканья (прямое: камисарѡв 23 или косвенное: въ Моргеелте 40, анхолцкие 33, монѡамшеская 40, Гроценсомъ 87), явление полной редукции гласного в безударном слове (ис Ц8рха 39).

Особого изучения заслуживает ѣ при сопоставлении с немецкими соответствиями. Нами встречены позиции.

---

¹⁹ Сразу же приходится сделать оговорку, иллюстрирующую достаточную сложность объяснения вокальных вариаций, и сослаться на кн.: *Kiparsky V. Russische historische Grammatik Bd. III. Heidelberg, 1975, S. 105—107*, где указано, что *ei* на месте нем. *ei* свойственно произношению прибалтийских немцев

где *ѣ* фонетически раскрывается как [jè] (Гендора 31), как [è] (канслѣра 26), как [ê] (в Зѣланте 235).

Ряды фонетических корреляций находятся под воздействием ассимилятивных процессов как регрессивной (Маланской земли 26 < Майланской), так и прогрессивной направленности (Магдабѣр 140 < Магдебург, из Португала 41 < Португала, Линибѣрской земли 188 < Люнебургской). При этом не исключено влияние артикуляции последующего согласного (Цубернской 44 < Цабернской).

Фонетические явления обнаруживают связь с морфологией в финальной части слова, суффиксе или на границе морфем. Поэтому при рассмотрении их как фонетических нельзя не учитывать одновременно возможность морфологических воздействий. * Гал (вин.) 173, Галла (род.) 137 показывают утрату конечного -e (Halle) и вместе с тем включение немецкого названия в продуктивный морфологический тип названий городов муж. рода с нулевой флексией в им. п. *Ов, ев* в названиях *Даршовомъ* 83 и *Диршев* 99 напоминают суффиксы притяжательных прилагательных. При рассмотрении формы *малтаской* 33 в соответствии с нем. *maltesisch* 'мальтийский' нельзя исключать исходное существительное *Мальта*, хотя допустима и прогрессивная ассимиляция, а форма *Свицарские* (земли) 66 при нем. *schweizer* 'швейцарский' не может быть объяснена только фонетическими соответствиями без аналогии со словами на -арь (-арѣ), поддержанной польск. *szwajcarski*.

Процессы фонетической адаптации находят также точки соприкосновения с явлениями семасиологического порядка, что позволяет отнести некоторые случаи также к разряду явлений лексико-семантической адаптации (Богарскомѣ 80, ср. *боярский* — на выбор гласной влияет лексическая аналогия). Все это дает возможность и даже вызывает необходимость неоднозначных объяснений и показывает связь различных ярусов в системе языка.

Нельзя не учитывать наличие многоконтактности и не принимать во внимание посредничество других языков, в частности польского, дававшее тот или иной рефлекс гласного (Гольштинѣ 67, ср. польск. *Holsztyn*, Рынѣ 190, ср. польск. *gungraf* 'рейнграф'). Тем не менее эти примеры нами используются, поскольку гласные указывают на заимствование, по-видимому, из нижненемец-

ких диалектов²⁰, и поэтому может быть допущена возможность прямого заимствования из немецкого.

Гласные *a*, *e*, *i* проявлялись в русских словах независимо от их немецких соответствий и выполняли функцию средства вокализации групп согласных.

Отметим контаминационные написания избыточного характера, отражающие графемно-фонетическое варьирование (Босдвиза 193).

Причины варьирования иноязычных слов требуют специального дополнительного изучения, и в данном заключении позволим себе лишь несколько предварительных соображений. В основном — это причины двух видов. Они могут вызываться вариативностью в принимающем языке или получать объяснения в явлениях языка-источника. Отделить один ряд причин от другого практически бывает нелегко. Нередко вариативность языка-источника подменяется многоконтактностью. О. А. Пылакина, используя множество убедительных примеров на варьирование, происходящее от особенностей принимающей системы²¹, не привела ни одного убедительного примера на вариативность, восходящую к языку-источнику. Приводимое ею слово *кунета* 'кювет' — итальянизм во французском.

Вести-куранты, повествующие о событиях на разнодиалектных территориях Германии, содержат в переводах написания, отражающие различия в территориальном произношении. Их анализ — предмет германистики²², мы их не касаемся.

Между системой гласных и согласных переходными являются так называемые полугласные [ɨ] и [y]. Они связывают вокальную и консонантную системы, помогают избежать соседства гласных и выступают обычно как в функции неслоговых элементов дифтонгических сочетаний [aɨ], [eɨ], [oɨ], [aɥ], [eɥ], [oɥ], так и в функции средства устранения групп гласных (см. Спреве 154;

²⁰ «Недифтонгизованные долгие сохранились в нижнегерманском...» (Жирмунский В. М. История немецкого языка. 4-е изд. М., 1956, с. 141); *Он же*. Немецкая диалектология. М.—Л., 1956, с. 163.

²¹ См.: Пылакина О. А. Галлицизмы сферы фортификационного дела в русской переводной письменности начала XVIII в. — В кн.: Актуальные вопросы русской филологии. М., 1976, с. 66—75.

²² Качественные изменения в системе вокализма, происходившие в немецком языке в период, непосредственно предшествовавший XVII в., описаны, в частности, в работе: Жирмунский В. М. История немецкого языка, с. 141—145.

Крстьян 60; Христианса 77; есовитов 23). Ряды соответствий, образуемых ими, входят как в систему вокализма ([и], [ы], [’у], [у], [е] в функции слогообразующих гласных — заместителей дифтонгов), так и в систему консонантизма: в виде [j] (в графической реализации *и*), в виде *в* или образуют переходные вокально-консонантные сочетания типа *ув* (Свиццава 193) или *оу*, *еу* (Троутмансдорфа 200 и Немарк 163), где *у* (ʏ) фонетически может реализовываться или как слогообразующее *у* или полугласное *у*²³.